

ОСТАНЕШЬСЯ ЛИ ТЫ ЧЕЛОВЕКОМ?

ТЕАТР Веры ПАНОВОЙ

ПАРЕНЬ идет по дороге. Длинной и долгой. Впереди ждут подъемы и спуски, удачи и беды, радости и огорчения. На многое смотрит он как бы сквозь дымку утреннего тумана, и невдомое манит его тайными глубинами, причудливыми изломами... А потом при резком дневном свете все выглядит обнаженнее и обыденнее. Рушатся иллюзии, приходят разочарования... И все это вместе — жизнь. Испытание жизнью. Выдержит ли его парень? Сумеет ли остаться человеком?

Парня этого зовут Женя Заботкин. Из далекой деревушки, под напутствия матери, с нехитрым сундучиком, собранным ею, кинулся он в бурное житейское море. Поначалу одержал успех: получил разряд на заводе, комнату. А затем жизнь начала трепать. Повстречалась на пути Заботкина Заинька. Случайно. На автобусной остановке. Милая, пушистая девочка, с большими ясными глазами. Трудно ей приходится: приехала устраиваться на работу, а без прописки не берут. Все есть: и согласие директора, и место в общежитии. Только прописки нет. Единственный выход — замужество. Да нет, не настоящее, а фиктивное, и без посягательства на жилплощадь мужа. Пожалел Заботкин Заиньку. А она его в конце концов в суд потянула, разводиться и делить его жилплощадь: замуж выходит, и уж не фиктивно, а по-настоящему, комната нужна. Махнул рукой Заботкин и подался в другой край. Бог с ней, с жилплощадью...

Там Заботкину повстречалась Женщина. Не девочка, как Заинька. А взрослая, многоопытная. Жена крупного начальника. Улыбнулась загадочно, стихи почтала, поманила парня, а у того и голова закружилась. Когда же грянула беда — застал их муж Женщины в балочке, — предала Женьку. Мужу скандал невыгоден — тень на авторитет пасть может. Он предъявляет Женке обвинения в шантаже: мол, письма у его жены украл, к нему, мужу, когда-то писанные, и через письма эти к сожителю принуждал... И она, Женщина, с этой версией согласилась. Удобрившись своими дорожками, годами материальными, Заботкин чуть в тюрьму не угодил. Хорошо, прокурор умный и чуткий попался: ему обвинять Женку надо, а он, разобравшись в сути дела, освободил его из-под стражи.

На новое место перебрался Заботкин — на строительство дороги. Профессию он, кстати, еще повстречавшись с Женщиной, сменил: стал шофером. И здесь его женщина подстерегает: жена инженера Ажогина — Раиса. Женька — от нее, она — за ним. Всюду преследует. А может, и было что между ними, — только чувствует себя парень виноватым перед инженером. Тот, ревнуя жену, примчался за ней на перевалочный пункт, и теперь ему до начала взрывных работ до своего участка добраться почти невозможно, а быть там необходимо. Взглянул Женька его доставить. Повез через самый район взрывных работ. Но не проскочил. Не успел. Ажогин легко отделался, а парня в тяжелом состоянии в больницу доставили... И проходит сейчас перед Заботкиным, перед мысленным его взором, вся жизнь. словно кинолента разматывается...

Всегда ли он, Женя Заботкин, правильно поступал? Нет, далеко не всегда. Скорее, напротив: чаще всего ошибался. В девочке с большими ясными глазами не разглядел хищницу, мещанку. Не разглядел за загадочными улыбками Женщины, за красивыми ее стихами трусливую своекорыстную предательницу. И, выручая Ажогина, за чужую вину, за эгоизм и бессердечие его жены расплачивался, сил и возможностей не рассчитав, в омут головой кинулся... Но всегда и во всем оставался Заботкин человеком. Может, и не с большой буквы, потому что ничего героического не совершил, но человеком, способным к самопожертвованию ради других.

Женя Заботкин — герой пьесы Веры Пановой «Как поживаешь, парень?», обошедшей несколько лет назад многие театры страны, — типичная фигура для всего творчества писательницы, и в частности для ее драматургии.

Что привлекает в Заботкине? Что привлекает в нем? То, что, встречаясь со злом и предательством, с бедами и с невзгодами, парень этот не озлобляется, не утрачивает веру в добро, не упивается жалостью к себе, не смотрит на жизнь как на скопище язв и пороков. Дух «критического направления ума», как говорит о себе одна из героинь другого драматурга — Александра Володина, критического по отношению к окружающей действительности и людям, ее творца, Заботкину и другим героям и героиням драматургии Веры Пановой глубоко чужд. Свои ошибки они не перекалывают на плечи других. Встретившись однажды с подлецом (и даже не однажды!), они не склонны видеть подлеца в каждом человеке. Несмотря на все трудности и невзгоды, переживаемые ими, не утрачивают веры в жизнь, оптимистического начала в характерах.

Такова и Нинка, ленинградская девчонка-работница из «Проводов белых ночей». В самый канун ее отъезда

из родного города в Рудный, на стройку, позвонила ей подруга Жанна. Позвала на бал в парке культуры и отдыха, рассказала о беде, приключившейся с ней — влюбилась, сошлась, сделала аборт, он ее бросил... И Нинка, словно заколдованная, почти повторяет историю Жанны. Встретив на балу Валерика, пьянеет от его нежных слов: и Рудный, и родной завод — все для нее оказывается потерянным. Только аборт Нинка не делает. У нее родится сын. Трудно ей приходится с сыном. И очень больно ей — Валерик в это самое время женится на другой. Но рядом с Нинкой — друзья, и они помогают ей. Помогают преодолевать боль, поднимать на ноги маленького. Уезжает она из родного города. Пусть не в Рудный. В Красноярский край — повидать свет, строить жизнь, утверждать себя...

И в этих пьесах — «Как поживаешь, парень?» и «Проводы белых ночей», — и в других драматических произведениях Пановой перед нами каждый раз разверты-

Центральный театр Советской Армии дал сценическую жизнь одной из ранних и одной из последних пьес Веры Федоровны Пановой. На снимках: 1. Сцена из спектакля «Метелица». 2. Л. КАСАТКИНА (Надежда), В. ЗЕЛЬДИН (фотограф) и Н. ВИЛЬКИНА (Олюня) в спектакле «Надежда Милованова».

вается повесть человеческой жизни. Обычной, будничной, нередко несчастливой, но всегда пронизанной светом неподдельного человеческого достоинства.

Говоря о своем пристрастии к драматургии, Панова пишет:

«Есть, конечно, особая притягательная сила в том, что сочиненное тобой разыгрывается на театральных подмостках, вымышленные тобой люди конкретизируются и обрастают множеством новых черт, приданных им актерами, в тесноте и пестроте зрительного зала, а занавес, который то раздвигается, позволяя заглянуть в события, происходящие за ним, то сдвигается снова, как бы ставя точку или подводя черту. Сейчас я понимаю, что где-то в глубине своей писательской сущности я всегда, и в прозе моей, оставалась драматургом».

Это, вероятно, справедливо. Драматический нерв отличает и прозу Пановой — «Кружилуху» и «Времена года», «Спутников» и «Ясный берег», все другие произведения. Но не менее справедливо, вероятно, и то, что каждая из пьес Пановой в значительной степени носит повествовательный характер. Каждая из них по своему содержанию, по охвату жизни много шире тех картин, которые проходят непосредственно перед зрителем на сцене. В этом смысле Панова, более чем кто-либо другой из современных драматических писателей, продолжает традицию, берущую свое начало в драматургии А. П. Чехова. Этим и объясняется ее обращение к драматургии не только для театра, но и для кино.

Конечно, история Константина Олесова, талантливого музыканта, творческая судьба которого не состоялась, человека, изгнанного за пьянство со строительства, содержит в себе глубокий и сильный заряд драматизма. Но разве не могла бы эта история, история человеческого падения и возрождения, так, как она рассказана писательницей, прослеженная ею с необычайной тщательностью и скрупулезностью, стать основой не пьесы, а повести? Разумеется, могла бы. Все действие в этой пьесе — «Еще не вечер» — чрезвычайно уплотнено и спрессовано, биографии ее героев, их взаимоотношения возникают перед нами на значительно большем временном отрезке, чем тот, который охватывает само произведение.

Пьеса эта интересна не столько образом самого Константина Олесова — доброго, честного, но безвольного человека, — сколько образом Калерии, уже немолодого, одинокого врача, нашедшей в себе силы и стойкости, чтобы выиграть борьбу за Олесова, вернуть его к жизни. Калерией в ее борьбе движет любовь. Но было бы плоско и неверно истолковывать коллизии пьесы таким образом: встретившись с Олесовым и полюбив его, Калерия помогает ему встать на ноги, другие же, в том числе и жена Олесова — Галина, терпят поражение в силу того, что ни у кого из них любви к Олесову не было.

Нет, дело обстоит гораздо сложнее. Калерия полюбила Олесова не сразу, а постепенно, рассмотрев у него под коростой опущенности и несдержанности тонкую, ранимую душу. И Галина любила когда-то Олесова, и другие также не в течение дня или даже часа разувверились в нем... В конечном счете да, речь идет о

равнодушии и неравнодушии к человеку и его судьбе. Но только равнодушие заключается не в невнимании к Олесову, а в неспособности и Галины, и других отыскать тот ключ, которым можно было бы отомкнуть его душу. С ним нянчились, его жалели и прощали, от него приходили в отчаяние, его презирали и ненавидели... Но не понимали, что Олесову нужно вернуть человеческое достоинство. Помочь вновь обрести это качество.

Опекой этого не достигнешь. А Олесова как раз все опекали.

«Надо было деньги семье отдать, — говорит один из персонажей пьесы, узнав, что Олесов не уехал в Салехард, куда его направляли, и пропил подъемные. — Или присмотреть: когда шел за расчетом — под ручку хал и уж не выпустить до той минуты, когда поезд тронется».

Словно в поезде, в ресторане, нельзя было бы написать и все до копейки спустить. Но никто не подумал, не позаботился о человеческом достоинстве Олесова.

Калерия не приходила в отчаяние, не сюсюкала, не хитрила. Она любила Олесова открыто и требовательно. И у Калерии оказались союзники — Горенко, с которым Олесов вместе воевал и который напомнил ему о его таланте, и семнадцатилетняя дочка Олесова — Ася, верящая в отца, упрямо убеждающая его в том, что возрождение возможно. Что же касается Галины, то вот почему ей ключ к душе Олесова не дано подобрать — когда настанет для нее самой критическая минута, обнаружится, что то главное, чего ей самой недостает, — человеческое достоинство. Калерия и вещи свои от Олесова не забирала, и водку от него не прятала. Напротив, даже четвертинку иногда покупала, словно бы оказывая этим Олесову доверие... И понял в конце концов человек, что не так уж много лет заключено для него с Калерией в словах «вместе», «навсегда», но от этого Калерия лишь дороже ему...

Сквозными темами для драматургии Пановой являются тема верности и тема предательства. Не в том ли беда Олесова, что он предал когда-то свой талант, призвание свое, и в результате потерял себя, забыл о своем человеческом достоинстве? Не в том ли слабость Галины, превращающая ее в конце концов из несчастной, страдающей в отталкивающую и неприятную, что живет в ней потенциальная способность к предательству? И не случайно, разойдясь с Олесовым, сходит она с прилизанным хамом и ворюгой из «Гастронома». И не в том ли сила, источник нравственной красоты Калерии, что верность у нее в крови, неотъемлемая черта ее характера? Калерия, как и Заботкин, и Нинка, неспособна к предательству.

Понятия «верность», «красота», «нравственность» — для Пановой синонимы. Так же как синонимы для нее — предательство, уродство, безнравственность. В этом плане особо примечательна пьеса «Сколько лет, сколько зим!» Действие ее происходит в течение нескольких часов в аэропорту. Из-за нелетной погоды задерживаются рейсы в самые разные концы страны. Именно она, погода эта, и сводит людей, не встречавшихся друг с другом с конца войны, — Ольгу Шеметову и Сергея Бакченина. Тогда они любили друг друга. Он был свободен — жена погибла в Ленинграде во время бомбежки. У нее были муж и ребенок. Но дома, в семье мужа, ей было «почему-то так сонно... чуждо...», и она, полюбив Бакченина — бесстрашного разведчика, каждую ночь уходившего за вражеским «языком», была готова начать все сначала. Ни к чему ей обеспеченное положение, муж — крупный ученый. Пусть холодная комната в Ленинграде, с выбитыми стеклами, без мебели, — лишь бы рядом был он, любимый и любящий... А Бакченин испугался, наврал, что, мол, нашла его жена — теперь инвалид... Испугался ответственности за судьбу Ольги и ее ребенка.

«...Я эту свою шинель, — говорит он другу, — года три таскать буду... представляешь — смотрят на тебя две пары глаз — муж! отчим! — а у тебя на яблоно нет ребенку...». Испугался Бакченин утратить свою мужскую свободу. «Ничего не имей за душой, — говорит он, — все на стол, как деньги из карманов... Рабство!»

Испугался большой любви... И вот сейчас, столкнув Ольгу и Сергея друг с другом, писательница подводит нравственный итог всей этой истории. Шеметова вернулась с фронта домой к мужу. Родилась вторая дочка. Существует разумная, счастливая семья, в которой привлекают «спокойствие, отсутствие суетливости, доброжелательная мягкость». Семья, от которой «как бы исходит тишина». Бакченин же, хотя и стал ученым, без пяти минут доктором наук, несчастен.

«— Дети, — рассказывает он, — растут на стороне — по сути дела чужие, нет у меня с ними душевной спайки... Прихожу домой — поздно вечером, оттираю дверь ключом — ни души. Дворничиха чего-нибудь в холодильнике оставила, что ей заблагорассудилось, колбасы какой-нибудь, — ставлю чайник, сажусь один чай пить...»

Шеметова счастлива. Бакченин несчастен. Но — не странное ли дело — все наши симпатии на ее стороне.

Он же нам глубоко неприятен, и несчастья его представляются справедливым возмездием судьбы. Возмездием трусу и предателю, вся храбрость которого, как разведчика, шла от одного — от сознания своей обреченности, от сознания неизбежности смерти... И вот судьба проявила к нему высшую меру иронии — он выжил, и с первого же шага в мирной жизни проявил свою подлинную и подленькую сущность...

Говоря о верности как о важнейшем нравственном критерии писательницы, следует подчеркнуть особо, что Панова не превращает это понятие в догму, всегда подходит к нему творчески как истинный художник. Для нее важна верность не удостоверению из загса, а верность живому чувству, верность человека самому себе. Как не осудила она Женьку Заботкина, полюбившего замужнюю женщину, так не осуждает она и Ольгу Шеметову и тогда, когда та, полюбив, изменила мужу, с которым готова была расстаться навсегда, и тогда, когда утратив все, вернулась к нему, так и не рассказав о происшедшем. Промолчала, следуя совету матери мужа:

«Бывают вещи, которые скрывать можно и нужно... Это ерунда, голубчик, будто все друг перед другом должны изливаться, всю свою подноготную выкладывать, и тогда будет гармония. Никакая это не гармония, а мещанская распушенность и нечистоплотность. Человек обязан в обществе вести себя опрятно. Если он уважает себя и других. Если он хочет укреплять жизнь, а не расшатывать».

И пьесы Пановой в целом, и характеры их героев внутренне полемичны. Писательница беспощадна к злу. Ее же герои нередко мирятся со злом. И Женька Заботкин не осуждает Женщину, а все ищет и ищет причины, которыми можно было бы объяснить ее предательство и — более того — оправдать его. И Нинка не осуждает Валерика, а вопреки злу, причиненному им, сына своего называет именем отца. Ратуя за добро, они не понимают, что истинное его торжество немыслимо без посрамления зла. В этом их слабость. Спорность, уязвимость их образов. Возможность их разноречивого истолкования.

Характерна в этом смысле одна из последних пьес писательницы — «Поговорим о странностях любви» («Надежда Милованова»). Уйдя в молодости из дома, порвав с семьей, Надежда живет своей особой жизнью. С точки зрения родных, она человек несложившейся, несостоявшейся судьбы. Муж ее — фотограф. Человек необеспеченный и беспокойный. Возможно, хотелось бы ей отдохнуть, пожить более спокойно. И все же, когда появляется он, муж Надежды, и снова зовет ее в дальнюю дорогу, она ни минуты не размышляет, не колеблется. И не исключено, что дочка их Олюня повторит судьбу матери...

Многое в истолковании пьес Пановой зависит от театра, от режиссера. Можно увидеть во всех персонажах «Надежды Миловановой», кроме самой героини и мужа ее, обывателей, и тогда спектакль неизбежно и закономерно породит упреки в искажении действительности и даже очернительстве. А можно, ничем и никак не опорочивая этих людей, подчеркнуть в образах Надежды и ее мужа неугомонность искателей, их романтическую открытость. Говорят ведь, что мир держится на чудаках.

Не может быть двух мнений по поводу того, кто из режиссеров будет ближе к авторскому замыслу. Конечно, второй. Однако при всех бесспорных достоинствах пановской драматургии возможности героизма у подавляющего большинства ее героев выявляются недостаточно полно и отчетливо. В этом плане особое место в творчестве Пановой занимает одна из ранних ее пьес, написанная в середине пятидесятых годов, а именно — «Метелица». Здесь эти человеческие возможности героев раскрываются наиболее объемно и убедительно.

Действие этой пьесы происходит в годы Великой Отечественной войны в одном из городов Эстонии, в лагере для военнопленных. Лагерь! Испытание стойкости. Испытание мужества. Есть ничтожные — предатель Дахно, трус Болютин. Но они исключение. Для них главное — выжить. Для остальных же главное — не только выжить самим, но и поддержать товарищей, сообща выстоять для совместной борьбы с врагом.

«Кто крепок, — говорит комиссар Меркулов, — тот не оскотеет, выйдет отсюда человеком... либо умрет человеком». Именно он, Меркулов, обращается к юной беженке Вале, попавшей вместе со всеми в плен: «Зачем еще это нам — чтобы жены на нас смотрели!.. Женщинам и детям нельзя... Мы, мужчины, не можем допустить».

Что дает этим людям силу сопротивления в положении, казалось бы, безнадежном? Чувство Родины. Понимание этого-то и их состояние в плену — обыденное, будничное, ужасающее — обретает под пером писательницы качество поэтичности, глубокую внутреннюю красоту. Пленный юный солдат Коели и юная беженка Валя в мыслях, мечтах своих грузят пароход.

«ВАЛЯ. Грузим пароход буквой эс. КОЕЛИ. Сахаром! ВАЛЯ. Слонами! КОЕЛИ. Супом! ВАЛЯ. Соловьями! КОЕЛИ. Сестрами! ВАЛЯ. Сиренью. КОЕЛИ. Стихами! ВАЛЯ. Садами! КОЕЛИ. Солнечным светом!».

Именно они, юные, уйдут отсюда навстречу жизни. В них видят остальные свое будущее. И остальные не просто остаются. Они вызывают огонь на себя, помогая советским самолетам обнаружить вражеский арсенал, расположенный рядом. Ни в чем не греша против достоверности обыденного, против бытовой правды, писательница создает образ большой поэтической силы, пронизанный светом истинного героизма.

И вот она, главная мысль всей драматургии Пановой, выраженная здесь наиболее отчетливо, — кто крепок, тот всегда и везде останется человеком... Кто крепок, тот в любых условиях жизни, из любых испытаний выйдет человеком...

Творчество — это всегда поиск.

«Рецептов, — говорит писательница, — нет, каждое произведение — проба, разведка, начинание заново, на голом месте. В нашей работе обязательны пробы и никогда не прекращается ученичество».

Рецептов, действительно, нет. Всегда — проба. Всегда — разведка. И мы будем искренне радоваться, когда качества, проявленные подлинными героями «Метелицы», станут с новой, еще более отчетливой силой обнаруживаться в героях новых пьес Веры Федоровны Пановой. А их она, по собственному признанию, «намерена написать... еще много».